

Глава 1

В большом офисном здании, два нижних этажа которого занимал паевой инвестиционный фонд, открылись тяжелые стеклянные двери. Первым невысокий порог из рифленой нержавеющей стали переступил начальник охраны этого заведения, отставной полковник КГБ, канувшего в Лету, Виктор Исаакович Вольдемаров. Это был суровый немолодой мужчина с постоянно хмурыми, насупленными, очень густыми, неприлично черными, словно покрашенными бровями, которые плохо сочетались с его благородными седыми волосами.

Он придержал дверь рукой, цепким, подчеркнuto подозрительным взглядом профессионала окинул окрестности поблизости от выхода, но ничего подозрительного не увидел. Потом он посмотрел и на окна соседних домов, особенно тех, которые стояли на противоположной стороне улицы. Виктор Исаакович словно искал в них снайпера, хотя отлично понимал, что нормальный специалист по этой части вместе

со стволом винтовки из окна высовываться не будет. Если он надумает стрелять, то предпочтет сделать это из глубины комнаты, где его рассмотреть без специальной аппаратуры просто нереально. После этого начальник охраны обернулся и повел рукой, предлагая другим людям выйти из здания.

Теперь на улице появился телохранитель генерального директора, даже внешне чем-то похожий на начальника охраны или же просто подражающий ему. Благо густые и излишне кустистые брови позволяли это сделать без особых проблем. Вся разница между этими людьми сводилась только к цвету волос. У телохранителя они были просто черные, хотя седина на висках уже просматривалась.

Он тоже осмотрелся, а потом призывно поднял руку. С парковки сразу выехал тяжелый «Кадиллак». За ним следовал внедорожник «Ленд-крузер», чуть более легкий, хотя и он смотрелся гигантом по сравнению с другими автомобилями, стоявшими неподалеку от него, большей частью седанами представительского класса. Оба автомобиля встали напротив дверей, ведущих в здание, но их двигатели работали.

После этого на тротуар выдвинулись четверо охранников, совершенно стандартных, похожих один на другого как братья-близнецы. Все в одинаковых темных костюмах и солнечных

очках с зелеными стеклами. В руках каждый из них держал пластиковый кейс. Эти ребята образовали живой коридор от двери до машины, готовы были своими спинами заслонить человека, который должен был пройти между ними. Они раскрыли свои кейсы, развесили их нижние части и выставили щиты, в которые были заложены бронекерамические листы.

Тот человек, для которого этот коридор и создавался, не замедлил появиться. Крепкий, широкоплечий, практически лишенный шеи и гордо носящий голову прямо на плечах, но с отчетливо обрисованным животиком.

Лицо Павла Яковлевича Косицина было совсем недавно изуродовано выстрелом. Этот факт сразу и без всякого труда определил бы любой специалист-медик. Правый глаз был выбит, череп справа от него — проломлен прямо от виска до скулы, а на лице присутствовали множественные шрамы. Но они были неровными, что говорило о неоднородности поражающих элементов. Некоторые из них оказались точечными, как от дроби, другие — рваными. Шрамы были красного цвета. Даже на загорелом лице человека, совсем недавно загоравшего на Карибских островах, они смотрелись яркими пятнами.

Отсутствие глаза говорило о том, что ранение было сравнительно недавним. Человек, получив-

ший его, при своих финансовых ресурсах имел возможность без всяких проблем заказать себе стеклянный вставной глаз. Так он и поступил, однако его заказ был еще не готов. Ведь каждый такой глаз делается индивидуально. Он должен как можно более походить на второй, целый, хотя и окруженный шрамами. Медики говорили, что этому глазу просто очень повезло.

Хотя повезло, говоря честно, больше самому Павлу Яковлевичу. Поражающие элементы не смогли проникнуть в мозг. Этому помешали кости черепа. Да и ствол оружия, из которого был произведен выстрел, располагался не под нужным углом.

— Здорово, мужики! — сказал генеральный директор охранникам и приветственно приподнял руку, демонстрируя свое отличное настроение, что в последние дни бывало с ним редко.

После этого он пробежал между ними в свою машину с сильно тонированными задними стеклами.

Павел Яковлевич здоровался с этими парнями редко. Да и вообще пользоваться такой усиленной охраной он начал только недавно, после неудачного покушения, стоившего ему глаза. Генеральный директор нанял ее лишь по совету старшего следователя, ведущего его дело.

До этого он обходился одним телохранителем, который обычно сидел в приемной и со-

проводил босса, когда тот куда-то выезжал по своим делам, что случалось довольно редко. Почти все вопросы решались на месте, в его просторном кабинете.

Но советом старшего следователя Павел Яковлевич не пренебрег. Видимо, он знал за собой какие-то грешки, за которые его запросто могли убить.

Тогда, в день покушения, в приемную пришел какой-то невзрачный старичок с сердитыми глазами, как потом оказалось, ветеран войны. Об этом же говорили ордена и медали, украшающие его старенький потертый серый в полоску пиджак. На прием ветеран записался заранее, предъявил документы и, разумеется, никаких подозрений не вызвал. Секретаршапустила его к шефу согласно очереди, которая тогда была немалая.

Когда прозвучал выстрел, эта дамочка как верная собака первой ринулась в кабинет генерального директора.

Телохранитель потратил несколько секунд на то, чтобы положить на ее стол журнал женской моды, который листал, расслабленно думая о чем-то своем. Эта его задержка впоследствии заставила старшего следователя подполковника юстиции Александра Александровича Соколовского подозревать этого чело-

века в причастности к покушению. Но за него тогда заступился сам генеральный директор. Телохранитель приходился ему родственником, пусть и не по крови. Он был женат на сестре Павла Яковлевича.

Поэтому следователю пришлось плотно разрабатывать другую версию, совершенно очевидную, лежавшую на поверхности. Там и с мотивом покушения все было предельно ясно. Вернее сказать, стало понятно после разговора с генеральным директором паевого инвестиционного фонда. Эта беседа состоялась сразу, как только была разрешена врачами. Уголовное дело после этого вполне можно было закрывать.

— Я нисколько не виноват в том, что этот Рыбаков остался почти без возможности купить себе квартиру! Ему теперь и на однукомнатную с трудом хватит. Не говоря уже о такой же, как та, которую он недавно продал, — сказал в свое оправдание основательно раненный Павел Яковлевич, осторожно притрагиваясь пальцами к повязке на голове.

Голос его был слаб, тих. Он хорошо передавал состояние человека, изрядно пострадавшего от ранения и операции. Его положение не позволяло скрывать то, что генеральный директор, скорее всего, желал бы утаить от старшего следователя.

По крайней мере, вину в этих словах Соколовский действительно почувствовал. Он услышал ее, хотя Косицин вроде бы говорил о противоположном. Он пытался себя оправдать. Может быть, не только перед следователем, но и перед самим собой, хотя закон формально никоим образом не нарушил.

— Когда этот дед еще только деньги принес, он сразу подписал все документы, даже не читая, и согласился на версификацию вложений в акции различных предприятий. Это специально делается со всеми средствами, которые клиенты нам приносят, — заявил генеральный директор. — Потому что невозможно бывает предсказать, какие акции принесут прибыль, а какие будут убыточными. Никто не виноват в том, что у него почти все ценные бумаги оказались убыточными. Только сорок процентов от первоначальной цены осталось, а то и меньше. Ни мы сами, ни брокеры биржи никогда не знаем этого заранее. А этот старик взбеленился. Отдавайте, дескать, мне хотя бы мои деньги, те, которые я вам изначально принес. Я что, из своего кармана должен их вынимать? Нечего ему было тогда договор подписывать! Он же сам согласился пойти на риск, был предупрежден об этом. Вот я и послал его подалее. Не очень, конечно, вежливо с моей стороны все это получилось, но я тоже свои деньги считать умею. У меня же семья, которую я обе-

спечивать обязан. А он орденами и медалями своими затряс, в грудь себя кулаком замолотил! Я, мол, свою квартиру продал, хотел внуку побольше, попросторнее купить. А теперь он у меня совсем без жилья остался! И без наследства!

— Обычная история, — согласился следователь, поддакивая Косицину и этим стараясь вывести его на дополнительные откровения. — А внук у него, насколько мне известно, единственный. Офицер спецназа ГРУ. В соседней области служит. Ему жилье в нашем городе и не нужно, а до отставки еще далеко. Он сейчас всего лишь в старших лейтенантах ходит. Я с ним общался по телефону. Как только мы тело отдадим, внук хоронить деда приедет, если его начальство со службы отпустит. Совершенно зря у нас говорят, что незаменимых людей не бывает. На самом деле это сплошь и рядом встречается.

— Вот я и сказал старику, что помочь ему ничем и никак не могу.

Вместо того чтобы стать откровеннее, генеральный директор, кажется, пожелал обратного. Он захотел показать, насколько был вежлив со стариком, и сделался скрытным. Может, что-то почувствовал в голосе старшего следователя, или же таким вот образом на собственные мысли ответил.

— А он?

— А он заявил, что он сам и мне, и себе прямо сейчас помочь сможет! Вытащил из-за пазухи или даже из штанов — я толком не разглядел — какую-то трубу, чуть ли не водопроводную, и чиркнул зажигалкой. Выстрел я слышал, а дальше уже ничего не помню. В себя только в реанимации пришел, после операции, когда хирург меня поздравил с тем, что второй глаз и мозг уцелели.

— Да, хирурги с вами намучались, — проговорил старший следователь. — В качестве поражающих элементов в своей самоделке старик использовал битое стекло от бутылок. Я лично впервые с таким зарядом встречаюсь. Да и хирург тоже. Ни он, ни я даже не слышали о таком применении стекла. Обычно в ход идут обрезки гвоздей, мелкие болты и гайки. Но это в самодельном взрывном устройстве, где в качестве взрывчатого вещества используют тротил или пластит. Там взрыв мощным бывает, любые кости насквозь проламывает. Здесь осколки стекла из костей выковыривать пришлось. А чтобы использовать спичечные головки, то я о таком варианте с детства, признаюсь, не слышал.

— Кстати, товарищ следователь, когда мы про внука говорили, вы сказали, что он придет, как только вы тело выдадите. О чем речь?

— О теле того старика-ветерана. Вы разве не в курсе насчет того, что дальше произошло?

— Нет. Не в курсе. Я же здесь вообще от всей информации отрезан. Да и не в состоянии был какие-то новости воспринимать. Вы у меня первый посетитель со стороны. Раньше только жену с сыновьями пускали. Они тоже мало знают.

— Тогда придется ввести вас в курс дела. После громкого выстрела в ваш кабинет вошла сначала секретарша, а за ней телохранитель Кравцов вместе с людьми, которые ждали приема. Ветеран все еще держал в руках свою водопроводную трубу, из которой сделал пистолет. Вы, наверное, и сами в детстве такие мастерили. Это называлось тогда «поджиг». Вместо пороха — спичечная сера, короткий, меньше чем в полсантиметра фитиль от обувного шнурка. Стоит только поджечь его, и грохнет выстрел. Одноразовое оружие. Мы в детстве — и я тоже, каюсь, — десятками такие штуковины делали. Считали это почти пистолетом. Только не догадывались заряжать свое оружие битым стеклом. Нам звука хватало. Иногда, правда, камешек помельче в импровизированный ствол забивали, чтобы по мишени стрелять. Даже солидом его смазывали, чтобы не застревал.

Соколовскому, видимо, были приятны эти воспоминания. По крайней мере, говорил он все это с лирическими нотками, словно баловал свой слух. Но генеральный директор рас-

сказом подполковника юстиции не заинтересовался и поторопил его слабым голосом:

— Ладно. С оружием все понятно. А что произошло-то?

— Ваш телохранитель Анатолий увидел эту трубу. Сначала он ребром ладони врезал по ней, направил ее в потолок, а потом ударил старика кулаком в голову. Тот упал, ударился виском об угол стола и умер почти сразу, еще до приезда «Скорой помощи», не приходя в сознание. Это дает нам право подозревать телохранителя в сговоре со стариком. Я предполагаю — и прокуратура меня в этом поддерживает, — что он просто убрал опасного свидетеля, своего сообщника, сделал это торопливо, не предоставил тому возможности дать показания против себя, любимого.

— Это исключено, — категорично заявил генеральный директор.

— Почему вы так в этом уверены?

— Сестра Валентина меня очень любит. Мы с ней вместе росли, я ее воспитывал, можно сказать. У нас отец рано умер.

— А при чем здесь ваша сестра?

— Так мой телохранитель Анатолий Кравцов — ее муж.

— Она имеет право претендовать на наследство? — спросил старший следователь, желая уцепиться за новую нить, определить для себя мотив покушения.